

Шквал ветра и снега налетел на город неожиданно. Его натиск был столь внезапным и мощным, что в первый же порыв на улицах приостановилось все автомобильное движение. Шквал окутал город одним беспорядочным, суматошным вихрем, сорвал несколько призывных плакатов и транспарантов, загудел в упругих проводах и погрузил все в непроглядную бушующую белую мглу. Колонны машин замерли в нерешительности и собственном бессилии от обрушившейся на землю стихии. Свет фар тонул в снежной густоте. Щетки лобовых стекол не справлялись с напиравшей массой тяжелых мокрых хлопьев.

Застигнутые врасплох пешеходы жались к едва видимым очертаниям домов, стараясь как можно быстрее добраться до ближайшего знакомого жилья, места работы или автобусной остановки. Что сейчас творилось на открытой кольцевой дороге в тундре — предположить трудно. Город был как в молоке.

Через неширокие замерзшие окна поликлиники пурга почти не угадывалась. Лишь изредка, при наиболее сильных порывах ветра, сюда проникал злобный заунывный вой да шорох снега по стеклу. Посетители прислушивались к этим свистящим звукам, посматривали в незатянутые льдом уголки окон, однако разобраться, что творилось снаружи, не могли. От гардероба доносилась ругань санитарки, убирающей с пола талую воду. Она кляла и свою работу, и погоду, и больных, обзывая их симулянтами.

Владимир просидел в поликлинике уже больше двух часов. Длинная утомительная очередь к терапевту, как обычно, продвигалась крайне медленно. Можно было вызвать врача и по телефону на дом, но утром было так обманчиво тихо и тепло.

Битый час он от скуки перечитывал крупномасштабный призыв медперсонала к своим посетителям — стараться не тревожить врачей по понедельникам, ввиду их большой загруженности, а обращаться со своими болезнями, начиная со вторника. Хоть в этом ему повезло, — сегодня был четверг.

В считанные минуты терапевт сделал заключение, и Владимир получил на руки «лист нетрудоспособности». Застегнувшись поплотнее, сдвинув на лоб шапку, он вышел во двор поликлиники и ничего не увидел. Сквозь толщу летящего снега доносилось далекое гроыхание железа, срываемого ветром с крыши. Тут же мимо пролетел темный предмет и с сухим треском разбился на осколки об угол здания. Похоже, лист шифера сорвало.

Дом Владимира находился в десяти минутах ходьбы. Дойти можно и с закрытыми глазами. Два раза он столкнулся с какими-то женщинами, два раза услышал один и тот же вопрос: «Школа там? Нет? Там? Спасибо».

Из года в год по городу ходили слухи, что люди замерзали буквально на крыльце собственного дома, предполагая, что находятся вдалеке от него. Среди них были и дети. Потому родители предпочитали не рисковать лишний раз. Пурга не любит слабых.

Сегодня метель крутила с особой свирепостью. Хорошо хоть мороз отпустил. А так выхолостает из путника все тепло в минуту. Нет ничего страшнее зимой, чем мороз с ветром. Лучше минус сорок в штить, чем так называемые двадцать на двадцать, а то и тридцать на двадцать. Лицо немеет в одно мгновение. Каждая крупинка снега как иголка вонзается в кожу, прожигает холодом, каждый порыв ветра, как удар жгучей плети, пронизывает насквозь. И никуда от него не скроешься, дует из-за каждого угла.

Из снежной кутерьмы показалась стена дома и ступеньки в подвальное помещение. «Это мастерские ЖЭКа. Теперь главное — перейти без приключений дорогу».

Дорога в пургу готовит для пешеходов нехитрые ловушки. Автомобильная колея накатана до блеска, а потепление превращается в лед, который прикрывается слоем свежего снега. Машины идут медленно, но, если поскользнешься и грохнешься под внезапно показавшиеся колеса, — приятного мало.

Будь сейчас дома родители, мать поставила бы его на ноги за два дня. Но родители уехали — неизбежное для всех северян. Выходят на пенсию, покупают дом, кооператив где-нибудь в средней полосе, и прощай, Заполярье! Дети остаются. Второе поколение. Мало еще намерзлись.

Вот и он остался. После окончания архитектурного факультета института попросился в родной город. Ректорат пошел навстречу, Заполярье все же. «Теперь из-за болезни и проект будет простаивать. А сроки жесткие — в апреле положи на стол».

Показалось шоссе. Через тридцать шагов он войдет во двор четырех пятиэтажек. Осталось пересечь детскую площадку и — дома. Придерживая воротник пуховика у самых глаз, Владимир благополучно миновал обледеневшую автомобильную трассу, из снега тут же показалась темная громада зданий и зияющая пустотой арка. Под ней ветер дул таким плотным, упругим потоком, что сбивал и сдерживал шаг.

Во дворе из безликой мешанины вдруг слабо послышалось детское:

— Ай!

Вой пурги почти перекрыл голос, но Владимир остановился. Подождал немного. Может, показалось? И вдруг снова:

— Ай-ай!

Раздался громкий всхлип. Рядом вынырнула мужская фигура.

— Не слышали, кто-то кричит? — отворачиваясь от ветра, спросил Владимир.

— Напился себе и кричит! — громко ответил попутчик и скрылся через два шага.

— Ой, — воскликнули совсем рядом, — да что же это...

Владимир шагнул в направлении голоса, наткнулся на наметенный сугроб у самого дома, миновал его, тут же провалился по пояс в мягкий снег возле окон первого этажа, заметенных уже по самые форточки.

В снежной густоте различил какой-то непонятный темный ком, схватил его рукой — что здесь? И, выбираясь наверх, где снег уплотнился и не проваливался, потащил за собой непонятно что... Посмотрел. Похоже, девчонка. Лицо в снегу, рукавиц нет, под глазами черные подтеки, из-под шапки выбились волосы и мокрыми сосульками болтаются на ветру.

— Ой, дяденька! — вцепилась она в его пуховик. — Я умру сейчас!

— Где живешь?

— Ой, дяденька, — вновь запищала она, — не бросайте меня!

— Адрес говори! — крикнул Владимир. — Руки в карманы спрячь!

— А там снегу полно, — обиженно заныла она. — Остановка далеко?

Ни слова не говоря, он отдал ей перчатки, взял за локоть и потащил вниз, на едва видную тропинку. «Так, детская площадка, песочница, горка, теперь должен быть уклон...» Девчонка запнулась, сзади саданул ветер, Владимир не удержался, и они покатались вместе. Потом перебрались через сугроб уже у его подъезда.

Владимир рванул дверь — образовалась только узкая щель, успело замести. Проскользнули в спасительный проем и оказались в подъезде.

Девчонка сняла шапку, мокрые волосы сразу упали на лицо тонкими прядями, она стряхнула с себя снег и довольно спокойно поинтересовалась:

— А где мы?

— Надо думать, в подъезде, — грубовато ответил он, разглядывая девчонку.

— В подъе-е-зде? — она была удивлена такому повороту событий.

Владимир наконец рассмотрел под слипшимися волосами юное лицо. «Ребенок, пожалуй, уже получил паспорт. И, должно быть, имел его не первый год. Куда ее теперь? К себе домой?»

— Мы здесь метель переждем? — доверчиво спросила она, провела ладошкой по слипшемуся меху песцовой шапки. — А остановка далеко?

— Далеко, — безразлично ответил Владимир, достал ключик от почтового ящика, открыл. Ящик был пуст. Хлопнул дверцей.

— Откуда ты свалилась? — повернулся к ней.

— Ой, смотрите, — тут же воскликнула она, выворачивая карманы своего пуховика и выгребая снег, и при этом слегка наклонилась. — Снегу-то сколько, а?

Владимир промолчал. Она посмотрела на него внимательно и простовато-проникновенно, поняла, что кокетство не оценено, тут же пояснила спокойно:

— От подруги. Мы думали, метель быстро пройдет. Ждали, ждали... я и пошла. На остановку. А что?

— Ничего, — сказал Владимир изумленно. — Метель не прошла.

— Возьмите перчатки.

Владимир сунул перчатки в карман. Девчонка опустила голову, казалось, чего-то ждала. Он хотел было спросить, где она живет, как собирается добираться домой. «Может, вызвать ей такси... Боже мой, какое такси, сейчас на гусеничном тягаче только проехать можно. Беспокоило все: «Сколько ж ей лет? Шестнадцать, семнадцать?.. Пригласить к себе? Вести домой? Как предложить? Вообще, она ребенок или уже не ребенок?»

— Ладно. Пойдем, — не очень любезно сказал он. Вдохнул, понимая, что предложил из-за безвыходности ситуации и медленно пошел наверх. На следующей площадке обернулся — девчонка стояла внизу.

— Тебя опять за руку вести?

— А что вы командуете?

— Я не командую, — снизил он голос, — я тебя в гости приглашаю. Если ты не боишься.

— Что мне бояться. В гости же...

Лишь только Владимир открыл свою дверь и гостя была готова переступить порог его дома, сзади раздался слабый скрип и из-за двери квартиры напротив появилось хитрое, упитанное женское лицо.

— Володенька, это ты? — сладким голосом полюбопытствовали. — А я думаю, с кем ты здесь говоришь? Родители пижут, нет?

— Вы еще не устали на каждый мой шаг дверь открывать? — обернулся он.

— Что пишут родители?

— Пишут. Вам привет за то, что присматриваете.

Соседка хлопнула дверью и, не отходя далеко, очевидно, чтоб услышали, громко, едко изрекла:

— Наследили только. Убирать так некому. Малолеток таскать начал...

Владимир привычно не обратил внимания и прошел в квартиру, а девчонка быстро достала из кармана оставшийся снег и залепила им дверной глазок соседки. В прихожей Владимир повесил свой пуховик, посмотрел на гостью.

— Тебя как звать?

— Наташа. Ты здесь живешь? — произнесла она тихим голосом, словно разбудить кого боялась.

— Нет, — сказал он, — я живу с той теткой, что выглядывала, а сюда мы пробрались втихаря. Хозяева на даче.

— В вашем городе нет дач, я знаю, — сказала Наташа.

— Снимай шубу, проходи.

— А у меня пуховик. А ты один? А родители где? — проговорила она слитно и опять шепотом.

— Нет никого.

— В отпуске, да?

— Что ты шепчешь? В отпуске. Не бойся.

— А я не боюсь, — сказала Наташа в голос, да так уверенно и беззаботно, что Владимир озадаченно глянул на нее.

Наташа повесила шубу, стащила сапоги, аккуратно поставила их в сторону и прошла в комнату. Владимир посмотрел ей вслед и досадно мотнул головой — на девчонке был обтягивающий комбинезон с ляжками, одежда не очень привычная, но ей наряд шел необычайно. Владимир отвлекся и поймал себя на том, что разглядывает ее фигуру.

— У тебя зеркало есть? — оглянулась она.

— В спальне трюмо. Это налево.

Наташа ушла. Владимир проводил ее глазами — совсем уже не маленькая, похоже. На ходу она достала из комбинезона массажную щетку и стала причесываться. Плавность движений дополнила впечатление о женственности фигуры.

Владимир включил на кухне чайник. Вот интересно — ему теперь как к ней относиться? Как к девушке, что в гости пришла, или как к человеку, терпящему стихийное бедствие? Жаль, дома нет меда. Похоже, его продуло, даже озноб появился. Ее тоже, наверное, надо чаем напоить? Надо еще придумать, чем кормить эту Наташу. Впрочем, почему он должен ее кормить? Они же — только пургу переждать?

Владимир глянул в окно — там ничего не было видно, снег залепил стекла, снег висел козырьком у форточки и даже проник между рамами, лег там белой рассыпчатой пылью.

Сколько теперь будет дуть? Три дня, неделю? На неделю у него, конечно, еды не наберется. Владимир отчего-то вспомнил одну выдержку из старинной русской поваренной книги, где прочитал такие строчки: «Если к вам неожиданно нагрянули гости, а у вас дома ничего нет, что поставить на стол... сходите в кладовую, возьмите копченую баранью ногу...» Смешно.

В холодильнике должна была остаться ветчина и пельмени, пакет молока... Он болел уже несколько дней, и все это время есть не хотелось.

Владимир поймал себя на мысли, что немного волнуется. А что он волнуется? Она — ребенок, просто красивый ребенок. Пусть ест, пьет и сидит тихо. Он ее наверняка лет на десять-двенадцать старше. Вечером Татьяна должна прийти... вот

будет номер. Впрочем, это вряд ли. Татьяна не придет хотя бы потому, что пуржит и снег обязательно всю ее красоту на лице размоет... Татьяна не любит выглядеть даже на йоту неряшливо, даже при нем, даже при самой себе. Она останется дома. А если даже и придет — она человек рассудительный и взрослый. Поймет.

В коридорчике между комнатой и кухней появилась Наташа. Взбитые мокрые волосы с легкими падающими локонами делали ее старше. Лицо было чистым, подтеки под глазами исчезли. Лицо было умытым, но привлекательности не потеряло. Неожиданно так, все же без макиязжа. Приталенный, насквозь промокший комбинезон обтягивал ладную юную фигурку. Владимир мысленно себе пробурчал: «Дети, они бывают разные».

Взгляд его немного дольше задержались на девушке, Наташа тут же сделала «глазки», жеманно повернув голову. Владимир хмыкнул и пошел посмотреть свой холодильник.

Наташа прошла за ним в кухню и более чем раскованно спросила:

— Будем пить кофе? Давай я тебе помогу, — открыла холодильник и уныло протянула: — О-о, у тебя тут зима. Это что, ветчина? Так... овощи, консерва, масло-холестерин, пельмени... Будем делать сэндвичи. Ты любишь сэндвичи?

— Хлеб с ветчиной? Люблю. Кофе нет.

— У тебя нет кофе? — правдоподобно удивилась Наташа. — Что же ты пьешь?

— Чай.

— Ча-ай? Ты прямо как из СССР. Сейчас все пьют кофе.

Владимир пожал плечами, негромко произнес самому себе:

— Боже мой.

— А чай какой — цейлонский? Индийский?

— Индонезийский, — язвительно выговорил он.

— Да ты же пьешь сено, Владимир!

— Зато ветчину ем французскую.

— Вот как, — вроде успокоилась она, повертела в руках кусок ветчины, тут же рассматривая сохранившуюся этикетку, — это меняет дело, хоть сэндвич будет nasty.

Заваривая чай, она рассмотрела коробку и заметила, как его надули в магазине:

— Сорт «эконом», самый дешевый! Мама дорогая! — она обернулась к нему, постучала пальчиком по коробке: — Сушеное месииво из придорожных лопухов!

Владимир головой мотнул. Хотел сказать: «Ну и что, не хочешь — не пей». Вместо этого сделал очень заинтересованное лицо, почти вплотную приблизил глаза к коробке, высмотрел там что-то и сокрушенно произнес:

— Ах, какие мерзавцы! Что подсунули?

Наташа, казалось, оценила шутку, вновь глаза округлила, потом сказала наставительно:

— Надо всегда очень внимательно смотреть на то, что покупаете. Сейчас жуликов развелось пищевых... и не сосчитать!

— Пить-то будем? — спросил он.

В комнате чай был определен на журнальный столик. Наташа устроилась на диване, Владимир сел в кресло напротив. В мягком кресле слабость немного отступила. Горячий чай смягчил воспаленное горло, он расстегнул на воротнике верхнюю пуговицу и снял галстук. Вообще пора уже переодеться. Да как-то неудобно.

Чай Наташа пила так тихо, что Владимир, вспомнив о своем больном состоянии, немного даже и забыл про нее.

«Через три дня он обязан выздороветь и вновь заняться делом. Проект ждать не будет, точнее — заказчик проекта ждать не будет. Заказчику без разницы — болел он или не болел. Заболел, не можешь, отдай другому. Жестко, конечно, но

что сделаешь — время такое. Все рвут работу друг у друга». В городе внезапно обнаружилось очень много архитекторов и очень мало заказов. Заказывать в архитектурном отделе, где он работал, было не всем выгодно, потому что дорого. Потому встать на ноги он должен через три дня.

Наташа поставила пустую чашку в блюдце, потеряла ладошкой по колену мокрый комбинезон и шмыгнула носом.

— Согрелась? — спросил Владимир.

— А что? — быстро вскинула глаза. — Выгоняете уже?

— Нет. Просто спрашиваю.

— Промокла вся, — тихо пожаловалась она, — у тебя холодно.

— У меня не холодно. Тебе переодеться надо. В сухое. Он прошел в спальню и вернулся с большим махровым халатом в руках.

— Могу предложить свой халат. Остальное все не по росту. Держи.

— Вот еще, — чуть не испугалась она, — я пойду скоро.

Владимир подошел к окну, дернул за болтавшуюся сбоку петлю — шторы разохались. За окном бушевала пурга. Снег неистово колотился по стеклу, в неплотно подогнанной форточке свистел ветер.

— Если к утру ослабнет — тебе повезло.

Она выразительно подняла брови, посмотрела возмущенно на Владимира.

— Хотите сказать, я здесь до утра сидеть буду?

— Дело твое, — безразлично ответил он, — можешь сидеть на кухне.

Наташа опустила глаза и долго смотрела в пустую чашку. Вся ее раскованность и милое ребячество пропали напрочь. Владимир почувствовал себя неловко. Халат этот еще.

— Тебе сколько лет? — спросил он.

— А зачем? — быстро переспросила она.

— Да незачем, так, — безразлично сказал он.

— Двадцать, — резко, жестко сказала Наташа, — я старше выгляжу?

— Да нет, — протянул, с трудом веря ей, — нормально ты выглядишь... на двадцать.

Она тут же победоносно улыбнулась, но сразу же спросила страдальчески:

— А вы не могли бы меня довести до остановки?

— Похоже, ты уже забыла, как я тебя сюда довел. Ты недавно на Севере?

— Второй месяц.

— С юга?

— Из Средней Азии. Нас перевели. У меня отец военный.

— Ефрейтор?

— Сам ты ефрейтор, — обиделась она, — покажи мне в какой стороне остановка, я сама дойду.

— Где ты живешь?

— На Предшахтном.

— Так вот послушай, — начал Владимир, — я здесь родился и прожил двадцать семь лет. От кольцевой дороги на Предшахтный трасса идет низиной. Ее переметает сорок раз в году, даже в поземку. Сейчас вся техника чистит «кольцо», где шахты, и ваш поселок отрезан. Если ты умудришься даже доехать до поворота, то дальше придется идти пешком еще с километр. Вокруг тундра и ничего не видно. И никого.

Он подумал, что бы добавить зловещего, и сказал:

— И волки воют! И не дойдешь ты вообще... никогда... из Азии...

— Как волки? — ужаснулась она. — Так что делать?

— Если кольцевую дорогу очистят за ночь, то утром будут чистить дороги к таким поселкам, как твой. Может, к утру и пурга ослабнет. Здесь не угадаешь.

Если твой рейсовый пойдет, то только на нем и надо ехать. Можешь позвонить диспетчеру автобусного парка, спросить, ходят сейчас автобусы или нет. Тебе ответят: «Только колонной по «кольцу»».

— Как это колонной? — похоже, первый раз удивилась девушка.

— Первым идет шнекоротор, за ним грейдер, второй грейдер, милицейский узик, потом автобусы... в конце опять милиция. И так колонной идут по кольцевой, развозят пассажиров.

Наташа опустила глаза, похоже, обдумывала создавшуюся ситуацию. Потом спросила:

— Сколько сейчас времени?

— Начало пятого.

— Ладно, — согласилась она резковато, выхватила халат из его рук, — давай сюда свой халат! — и тут же добавила: — Но это ничего не значит! И нечего на меня так смотреть! Дырку протрешь, нахал!

Показала совсем не к месту Владимиру язык, чиркнула злыми глазами и убежала в ванную. Мгновенно оттуда донесся ее недовольный голос:

— А от него духами пахнет! Его что — надевали уже?

Владимир опешил.

— Конечно, дамские духи, — неслось из-за двери, — «Черная магия», духи дрянные и халат заношенный...

В ванной жестко хлопнул упавший комбинезон и зажурчала из крана вода. Через минуту Наташа вышла. Халат почти касался пола, обнажая маленькие босые ноги. Он был туго перетянут поясом, одной рукой Наташа придерживала его у груди. Пробежав комнату, она чуть не запрыгнула на диван, с независимым видом взяла оставшийся бутерброд, отвернулась и сосредоточенно зажевала.

— Вообще тебе очень повезло, — сказала она осмелев, — я забыла у подружки свой сотовый телефон... так бы я позвонила папе... или в МЧС... они с военными очень дружат... тебе просто повезло.

— Я могу тебе дать свой телефон, хоть сотовый, хоть городской, — сказал он без выражения, — звони.

— Я телефонов не помню. У меня же все номера под именами... Ты что, не понимаешь?.. Ты откуда свалился вообще? Сегодня какой год?

— Свалился, допустим, не я, — ответил он и поднялся с кресла.

Владимир ушел в другую комнату. Постелил там чистое белье, себе забрал покрывало и подушку. Вернувшись, бросил все на диван.

— Зачем мне подушка? — быстро спросила она.

— Это не тебе.

Сняв пиджак, тут же услышал:

— Зачем вы раздеваетесь?

— Послушай, — тихо сказал он, — замолчи. Я, как ты говоришь, вообще-то на больничном, у меня температура, я шел из поликлиники.

— Я вам еще не рассказывала, у меня папа мастер спорта. По дзю-до. Он меня с детства обучал всяким приемам...

— И что? — бросил он пиджак на спинку кресла.

— Ничего, — сказала она в сторону, — я хорошо подготовлена...

— Я все понял! — громко прервал ее Владимир и ушел в кухню. Порылся в аптечке, нашел что-то от температуры и едва прикоснулся губами к стакану с водой, как рядом одобрили:

— Вы успокоительное пьете? — в проходе, возле двери в ванную, стояла Наташа. — Вы побольше примите, ладно?

— Ладно, — совсем покладисто ответил он, — я проглочу всю пачку.

— И в ванную пока не заходите. Хорошо? Я там свои вещи развесила.

Владимир на мгновение дар речи потерял. Может, ослышался? А впрочем, что она особенного сказала? Вещи развесила... сам же халат дал девчонке? Только вот почему он должен теперь в свою ванную не заходить? Кто здесь в гостях? Владимир посмотрел на Наташу — она игриво прикрыла ногой дверь в ванную и щелкнула задвижкой.

«Когда мне это надоеет, — подумал он, — скажу».

В зале резко зазвонил телефон. Наташа убежала. Владимир остановился — неужели трубку поднимет?

— Алло? — теплым голосом спросила Наташа. — А это кто?.. Володю? Ах, да, да, да, я забыла — его же звать Володя!

Владимир сорвался в один миг, стукнул стаканом по столу. «Соплячка! Хватит с ней либеральничать. Всякой раскованности есть предел. Сейчас она получит!»

Наташа протянула ему трубку и несколько удивленно сказала:

— А это тебя...

— А ты... — он чуть не сорвался, — думала, что это тебя?

Она обиженно мотнула головой, забралась на диван, облокотилась на подушку и укрылась покрывалом.

— Я вначале подумала, что ошиблась номером, — ехидно сказал в трубке голос Тани.

— Да тут такая история вышла, — попробовал весело доложить Владимир, — хорошо, что позвонила... я вообще-то думал, ты придешь...

— Вам скучно? — Татьяна была явно удивлена, причем удивлена довольно зло.

— Представь себе, возвращаюсь из...

— ...и натыкаюсь на бабенку. Она моложе меня?

— Перестань. Не мог же я оставить...

— Ко-онечно, ко-онечно! Что я несу! Как ты что мог оставить, если что-то валяется на дороге. Ты же у нас универсален, поджарый бычок! Тебе что пятнадцать, что тридцать, я не расслышала — сколько лет этой соплюхе?

— Я не интересовался, — голос у Владимира сел.

— А кем и чем ты когда-нибудь интересовался? Только своим долбаным проектом!

— Таня!..

— Хочешь совет? Прежде чем тащить ее в постель, посмотри паспорт, несчастный совратитель глупых гимназисток! Судя по голосу, она несовершеннолетняя.

Трубку бросили. Владимир услышал короткие гудки. Но Татьяна не стала дожидаться, когда гнев спадет, и позвонила вновь. Едва Владимир снял трубку, ему тут же выложили:

— Только не становись в позу оскорбленного боксера! — помолчали и добавили: — Подо-онок! Вы уже включили торшер или общаетесь при свечах?

— Это уже смешно.

— Ах, смешно! — взвились там. — Смешно будет чуть позже, бабник...

— Знаешь что, — попробовал он взять ситуацию в свои руки, — ты и сама сейчас не понимаешь, что несешь. Мне очень трудно с тобой спорить и что-то доказывать, у меня температура...

— А-а! Это бывает с вами при виде молоденьких шлюх!

— Таня, это уже мерзко.

— Не здоровайся со мной в институте, подонок!

В трубке прерывисто загудел «отбой».

— Она наговорила тебе гадости? — спросила Наташа.

— Почему?

— У тебя искрились глаза.

— Это реакция на таблетки, — механически ответил он, себя не услышав.

«Что это было? Кто с ним говорил по телефону? Это не могла быть Таня. Она — единственный человек, не позволивший себе не то, чтобы пошлости или вульгарности, а даже просто грубого слова». Таня была старше его на три года, ей было тридцать, и это обстоятельство немного смущало ее, особенно в первое время их знакомства. Но Владимир довольно быстро доказал ей, что его интерес к ней — это не минутное увлечение, не желание просто, на пару раз уложить взрослую барышню в кровать. Таня это поняла и была с ним всегда столь внимательна, столь заботлива, что он даже решил сегодня, что она и пурги не испугается, придет его навестить. Вместе они не жили, опять-таки по ее представлениям о нравственности, Таня уже пару раз говорила ему, что переберется она «сюда» лишь после ЗАГСа. Может, это говорилось специально для того, чтобы ускорить его решение? Может. Он был не против, и просто ждал, когда родители смогут вернуться в город, чтобы свадьба была как свадьба, чтобы родители рядом, чтоб за него порадовались, чтоб все по-настоящему. Таня, всегда чуткая и внимательная, всегда первая оказывалась рядом с ним, делила горечь разочарований и неудач. Она даже никогда голоса не повышала, говорила тихо, мягко... по-женски мягко... так было уютно... Что же теперь? Тани нет? Целый год была и так вот... А мечталось, чтоб была всегда. Фактически все к тому и шло. И все оборвалось. Мгновенно и глупо, не разобравшись, не спросив.

«Зачем я эту девчонку подобрал? — мелькнуло у него. — Боже, что я говорю?»

— Ты болен, — негромко произнесла Наташа, — давай мы будем тебя лечить.

— Ты лучше чаю еще сделай. Горячего.

Наташа соскользнула на пол, придерживая одной рукой халат, и улетела в кухню. Оставшись один, Владимир ощутил приступ неприязни к своей гостье. «Вертихвостка, кривляка несчастная, думает, ей все разрешено! Что я мальчишка? Пусть дурачится со сверстниками. Два-адцать лет! Малолетка... Ну да ладно. Надо собраться. Сегодня как-нибудь пересидим, завтра пурга утихнет, завтра отправлю ее домой, Тане позвоню. У нее хватит ума все обсудить по-взрослому, по... Вот я бы никогда не ревновал, если бы она в пургу подобрала какого-нибудь мальчишку... Владимир головой мотнул — ну да, сравнил!»

На лоб ему легла тонкая маленькая рука. Рука была холодная. От этого прикосновения Владимиру стало легче, и он в один момент забыл все слова, что только что вертелось в голове. Наташа присела рядом с его креслом.

— Дай руку.

Нашупала пульс, посчитала, потом сообщила:

— Тридцать восемь и пять. Надо лед на голову. Подожди, — попросила она. Тут же принесла мокрое, прохладное полотенце, обмотала им вокруг его головы.

— Подержи немного, будет легче. А еще можно тело протереть уксусом или завернуться в мокрую простыню...

— ...обложиться льдом, посыпать снегом и вынести на балкон.

Наташа рассмеялась.

— Это хорошо, что ты и больной веселый. Значит, не умрешь.

Тут же забралась на диван, набросив на себя покрывало.

— А мне, наоборот, холодно, — сказала она, — я еще никогда так не замерзала. Я и не болела никогда.

Владимир смотрел на нее внимательно и долго. Так долго и столь откровенно, что Наташа не выдержала и отвела глаза.

— Ну, что ты смотришь? — смутилась она.

— Ничего, — устало протянул он, — в Средней Азии, наверно, так жарко, что заболеть там довольно сложно?

— Мы же в горах жили, там и жарко и холодно.

Владимир опустил глаза и заметил показавшееся между полами халата ровное колено. Наташа смутилась еще больше, закрыла колено, закуталась в спасительное шерстяное покрывало и отвернулась. Владимир почувствовал себя неловко, но подумал: «Смущаться мы, оказывается, тоже умеем».

Однако положение «на равных» не прошло, только подмяло под себя всю непосредственность их общения. Нужен был какой-то шаг, который бы восстановил былое равновесие. Владимир нашел его без труда. Он очень ровно, спокойно, как ее сверстник, спросил:

— Музыка хочешь?

— Музыка? — повернулась она к нему чуть ли не всем корпусом, произнеся это слово так, словно Владимир спрашивал: тригонометрией позаниматься не хочешь?

— Музыка, музыку, — беззаботно подтвердил он, — практически все прекрасное у меня есть: джаз, рок, почти все разновидности рока — фанк, арт, контри, классика, тяжелый...

Он подошел к шкафу, где стоял огромный музыкальный центр, рука легла на стопку пластинок.

— Ха... — сказала Наташа, явно чуть с затуманенными глазами, — а попса у тебя есть?

Но трюк не прошел, Владимир мигом достал диск и произнес:

— Конечно, есть, лучшая попса в мире, что будешь слушать? Пресли или Тома Джонса?

— Тома Джонса? — неуверенно спросила она. — А-а... это, это... «Секс-бомб»?

— Понятно, — сказал Владимир, — ты сама что слушаешь?

— Да все, — пожалала она плечиком, — почти все. Больше нашу попсу слушаю...

— Ну да... — Владимир немного задумался, глянул на ребра своих дисков, вытащил один, — классику в обработке слушала?

— Классику? — Наташа, похоже, уже хотела сдаться, но не позволила себе так быстро. — Ну, это же смотря какую?

— Например, музыку Вивальди в обработке Ричарда Клейдермана, или Франсис Гойя на гитаре исполняет Моцарта?

— Пожалуй, давай Моцарта, — согласилась Наташа.

— А еще Рэй Коннифф исполняет серенаду Шуберта...

— Ты говоришь сейчас как старый дед.

Когда он поставил Моцарта, она чуть послушала и тут же сказала:

— Нет, это не хочу, следующее.

Поставил Шуберта в исполнении Конниффа.

— Нет, нет, — тут же забрала Наташа, — это тоже не хочу.

Но, пока серенада еще звучала, она усиленно что-то вспоминала, напрягая память. Когда же Владимир пластинку выключил, сказала:

— Я могу тебе сказать слова из этой серенады Шуберта... «песнь моя летит со мной тихо в час ночной...»

Совсем внезапно она, сощурив глаза, взвилась:

— Ты что-о, специально мне такую музыку ставишь?! Ты на что намекаешь?..

— Да нужно мне, — уже несколько привык Владимир к ее выкрутасам, — просто музыка мне такая нравится. Я под обработку классики всегда «проекты» делаю свои.

— Да-а? — чуть склонила она голову набок и как будто попыталась заглянуть в глаза Владимира со стороны, чуть отодвинувшись. — Что вы говорите? Проекты? Под классику? Наверное, выходят классические проекты!

— Нормально выходит. У меня есть «Золотой японский саксофон», будешь слушать? Сразу предупреждаю, чтоб ты не шарахалась и не дергалась — музыка расслабляющая.

Она чуть подумала, похоже, вспоминая: знает или нет?

— Давай саксофон, — быстро согласилась она.

Несколько щелчков, акустические системы слабо ухнули, и в комнате разлилась тихая мелодия саксофона. Саксофон — инструмент не рядовой и обладает, как известно, интимным звучанием. Наташа слушала, и глаза ее постепенно все же расширялись. Стрельнув ими пару раз на Владимира, она внезапно заявила:

— Ишь ты, какой хитренький! Ишь ты музычку поставил! Смотрите!..

— Что опять?

— А то, — с вызовом произнесла она, — что под такую музыку мне только и осталось, что к тебе на колени сесть и руками за шею обнять! Меняем.

— На что меняем, — вздохнул он обреченно.

— На забой!

— Хорошо. Раз ты любишь...

— Люблю, люблю, — произнесла она все еще обличительно, — хочу забой! — тут она вдруг широко, неестественно выпучила глаза и сказала совсем не своим голосом: — Ты, Володя, жуткий обманщик! И хитрец жуткий!

Владимир даже не нашелся, что ответить. «Может, теперь самое время сказать ей — стоп! А как его сказать?»

«Забой» наскучил барышне еще быстрее, чем саксофон.

— Ой, Володя, у тебя и забой, как размазня какая-то. Кино смотришь какое? Дивидюшник там?..

— У меня дисков нет, — солгал он, — и скоро «Новости» начнутся, я никогда не пропускаю.

— Мог бы сегодня сделать исключение, — поводила она пальчиком по подушке.

Владимир постарался этого не заметить. Включил телевизор и поудобнее устроился в кресле. Заснуть бы сейчас, хоть на полчаса. Очень сильно пекло глаза и горела голова. Владимир вообще плохо переносил температуру. И сейчас он, по-видимому, держался столь бодро только из-за присутствия Наташи. При ней он изредка даже забывал, что болен. Храбрился? Вряд ли. Просто новый человек, новые впечатления.

— У моего папы в Средней Азии был товарищ, так он вообще телевидение наше не смотрел, говорил, там вранье одно, потому что все это — поручение и задание власти, — сказала Наташа.

— Похоже, очень ограниченный был товарищ?

— Он был директор школы.

— Это ни о чем не говорит. Твой отец кем работает?

— Папа? Он начальник физподготовки, в части. Он майор, понял?

— В какой части?

— Это секрет. Это нельзя говорить.

— Ясное дело — секрет. Особенно если учесть, что ты живешь на Предшахтном.

— Все равно, — чуть не обиделась она.

— А ты учишься или работаешь?

— В вашем городе негде учиться.

— В нашем городе два института и три заочных «приезжих». Так ты работаешь?

— У вас и на работу устроиться — проблема. А учиться в этих приезжих да и в ваших институтах, знаешь, сколько стоит?

— Иди работать, будут деньги на оплату учебы.

— Кем идти? Посудомойкой?

— Да кем угодно.

— Кем угодно меня папа с мамой не пустят.

— Специальность у тебя есть?

— Какая может быть специальность после школы?

— Коль тебе двадцать лет, можно было уже что-то получить?

— А я... я работала... — Наташа явно потерялась, — на простой работе. Там, в Азии. Не хотела сидеть на шее родителей. Без специальности, — она немного поупрямилась и явно торопилась. — А вы где работаете?

— В проектно-институте.

— Ах, да! — восторженно воскликнула она при слове «проектном». — Кем?

— Архитектором.

— Теплое место.

Владимир опешил.

— Это же не строем ходить, — пояснила она, — не марш-бросок. И не лопатой копать глину.

— Получается, холодные места только у военных и землекопов?

— Получается, что у вас теплое место.

— Ты знакома с работой архитектора?

— А что там такого? Сидишь себе, карандашом водишь по бумаге да чай пьешь. Можете улыбаться, сколько хотите, только если бы там действительно работали, ваш город не был бы такой одинаковый и квадратный.

— Мне казалось, город за последнее время похорошел.

— Похорошел? — едва не рехнулась она. — Ой! Держите меня, бабы!..

Наташа осеклась, поняв, что сказала не то. Однако очень быстро нашлась.

— Какой же тогда город был? — спросила с ужасом в голосе она. — Впрочем, что мы спорим? Ты же местный, присмотрелся, в институте своем пригнулся. Место теплое...

Владимир перевел глаза с Наташи на пол, вроде как раздумывая: теплое место или не теплое?

— А вы... начальник? — спросила она осторожно.

— Руководитель группы. Ма-аленький начальничек.

— Вам повезло. Терпеть не могу начальников.

— Это я уже понял, — вздохнул он, — как мне повезло.

— А ты бюрократ?

Владимир даже вздрогнул.

— Почему?

— А все начальники — бюрократы. Твой же — бюрократ? Только честно?

Владимир подумал. С начальником отдела у него хорошие, дружеские отношения, они были друзьями, хотя тот — на пару лет старше его... и все же?

— Мы с ним друзья, но, выходит, что бюрократ, — несмело предложил он.

— Во-от, — заключила Наташа, — масюсенький бюрократик!

— В начальнике главное — дело знать и людей сплотить, потом еще за дисциплиной следить, тогда...

— Ох, как мы выгораживаем бюрократов! Вот так вот все начальнички и держатся на этих дружеских отношениях! Так вот и пьют кровь народную!.. По дружбе.

— Твой отец тоже бюрократ?

— Мой отец — военный.

— Да это один леший. Или ты думаешь: у военных бюрократов нет?

— Мой отец взвод солдат спас, ясно! — вдруг запальчиво воспротивилась она. — Мой отец жизнью рисковал. Он в расщелину засел и, пока наши не ушли, расстрелял весь боезапас. Ему орден дали! А когда осталась последняя связка гранат, он бросил

ее в свою же расщелину!.. Сам вниз, к реке, а гранаты на свое место. А теперь представь: ты катишься кубарем к реке, а за тобой скала с валунами и камнями, а они катятся быстрее. Попробуй, успеи! А «эти», сверху, даже не стреляли... Из-за взрыва сразу и не увидели его. Когда отец был уже в воде, на нем и клочка одежды не было, он ушел под воду, и вода была красная, ясно! У него очень сильная дыхательная система, он вынырнул уже за поворотом. Так вот! А вы тут чай пьете!

— Извини, — тихо сказал Владимир, — мы же чай пьем — не знаем, что там в скалах и на реке.

— Да ладно, что там, — мгновенно утихла она, — ты все равно хороший.

— Спасибо. Для чего же он свою скалу взорвал? Сам на себя...

— Ты не поймешь. Это ход. Психологический. Так бы его взяли, а так... пока они смеялись, пока ждали, да и от взрыва, знаешь, пыль какая, а-а, что тебе рассказывать? Ты тут в тепле, в институте. А там... Они его увидели уже у воды, внизу.

— Почему так думаешь?

— Отец сказал. Они раскудахтались сразу, как индюки.

— И отказались от погони? — усомнился Владимир сдержанно.

— Ты кровь в воде видел? А видел, когда человек окровавленный в воду падает и не всплывает?.. Минуту, другую, третью...

— Нет.

— Мой отец может пять минут не дышать вообще. Понял?

— Понял, — успокоительно кивнул Владимир, — гимнастика цигун называется.

Наташа остановилась, посмотрела несколько иначе на Владимира и едва заметно то ли улыбнулась, то ли усмехнулась.

— А к вам часто в гости ходят? — вдруг спросила она в уважительной форме.

— Да я не знаю, — растерялся Владимир.

— Ну да, — Наташа ухмыльнулась игриво и повела мордашкой, — конечно.

Что я спрашиваю? К тебе одни женщины ходят.

— Это еще почему?

— Да потому, что вы ловелас.

Владимир удивился.

— Ловелас? И что это такое?

— Конечно, — она повернулась вновь, всем своим видом выражая уверенность, — мы с тобой едва знакомы, а ты меня уже в халат одел, тапочки суешь, подушку притащил с одеялом.

Владимир поднялся и ушел на кухню лекарство принимать. Наташа немного потараторила за спиной, как в зале вновь прозвенел телефон. Владимир рванулся назад. Опоздал.

— Одну секунду, — тут же послышался ее голос, — он сейчас подойдет.

Ну да, когда он подошел — из трубки доносились короткие гудки.

— Кто это был?

— Я не знаю. Я только сняла, — она испуганно ткнула пальцем в трубку, — и сказала, я же не знаю, куда ты пошел? М-может, надолго?

Владимир почувствовал приступ истеричного смеха.

— Ты больше ее не трогай, — он потряс рукой с трубкой, — запоминаешь? Никогда! Куда бы я ни пошел, вообще не трогай. Это мой телефон. Я долгое время жил без твоего присутствия и всегда к нему успевал. Изю всех точек своей квартиры.

— Ваша передача началась, — растерянно сказала Наташа, — «Новости».

Сейчас посмотрю передачу и успокоюсь — как приказал себе Владимир. Телевизор ему посмотреть не удалось, В дверь позвонили. Гости в такую пургу?

— Я открою! — вскочила Наташа.

— Нет уж! — резко остановил он. — Хватит! Сам открою.

— Пожа-луйста, — обиженно протянула она и облокотилась на подушку, — я только так, у тебя же температура.

Владимир вышел в прихожую, по дороге подумал: «Зачем Татьяна звонит по городскому телефону, почему не позвонила по сотовому, знает ведь прекрасно, что сотовый телефон ношу с собой всегда и везде?» Он открыл дверь. Оттуда ввалился парень, весь в снегу, с запорошенным лицом и довольной улыбкой.

— Володя, — радостно сообщил он, — гражданский подвиг! Я звонил тебе на работу и мне сказали, что ты болен. Я пошел в такую погоду в магазин, нашел открытый, аж на окраине. Точнее, я полз до него на брюхе! Приползаю, а там... очередь! За водкой! Ничего не сломит заполярного мужика. Я пришел тебя лечить, вот лекарство, держи.

Скинув пуховик, он прошел в комнату и остолбенел.

Владимир повертел водку в руках, прошел вслед за ним и тоже остолбенел. Наташа сидела на диване, очень ровно, завернувшись в халат, обхватив одно обнаженное колено руками. Гордо вскинув голову, она смотрела на них одним глазом. Он был так широко открыт, что даже изогнулась бровь, другой закрыт, спокойно, без напряжения, словно веко само опустилось. Сова да и только.

— Прекрати, — нервно проговорил Владимир, — он же с холода, не сообщает ничего.

Наташа спокойно открыла глаз, взяла чашку с остывшим чаем, стала дуть на него старательно да громко, демонстративно фыркать и отхлебывать. Очень походило на выживание непрошеного гостя.

— Извини, — наконец произнес тот, — старик, можно тебя на минуту?

В кухне он прикрыл дверь, посмотрел восхищенно на Владимира и восторженно сказал:

— Ну-у, ты даешь! Старик, где ты ее надыбал?

— В сугробе.

— Н-ну ты даешь! То-то Танька мне по телефону... Она засекала вас?

— Засекла.

Он скривил лицо от сострадания.

— Тёплых?

— Что я — самоубийца?

— Понял. Извини, — посмотрел в пол, — ну, ты дае-ешь! Старик, ты молодец! Одобряю. Красивая телка!.. Н-но, тебя посадят.

— Я знаю.

— Так спокойно? Проект закончил?

— Я заболел.

— Не мудрено, — кивнул он в сторону комнаты, — растить надо. Понял? Я ухожу. К Сергею на пятый этаж. Если что, приходи.

Уходя, в дверях обернулся и досадливо мотнул головой:

— Красивая телка. Растить надо, а то тебя точно посадят. Я к тебе завтра загляну, договорились? Я «припас».

В зале Наташа высвободила из-под халата свою ножку и старательно подравнивала пилочкой ноготочки. В мебельной стенке был выдвинут один ящик, в нем лежал развернутый набор ножниц и щипчиков.

— Ушло это чучело? — спросила Наташа.

— Это не чучело, это мой одноклассник. Кто тебе разрешал рыться в шкафу?

— А я не телка, а девушка! В шкафу я не рылась, а искала пилку.

— Еще и подслушивала, — презрительно сказал он.

— Я не подслушивала! — чуть не закричала она. — Я не виновата, что у тебя стенки картонные, а вы орали, как два некормленных осла!

— Мне просто стыдно за твое беспардонное нахальство!

— Тебе стыдно за своего друга-олуха. Прекрати на меня кричать, у тебя температура.

— Тебя это не касается.

— Касается. Завалишься в обморок, а я и адреса твоего не знаю — скорую вызвать.

— Анархистка! — бросил зачем-то Владимир и ушел в спальню, стал там рыться в шкафу без дела. Ничего не нашел, открыл форточку, закрыл, стукнул кулаком и сказал: «Стоп!»

— Казанова, — бросили ему из зала, — заманил девчонку домой и наслаждаешься ее беспомощностью!

— Это ты... — на лице Владимира отразилось не просто возмущение, а просто безграничное возмущение, он вышел из спальни, — это ты беспомощная?!

— Хочешь я тебе ужин сготовлю? — вдруг ласково сказала она, глядя ему прямо в глаза.

— Не надо, ты мне всю кухню перевернешь!

Наташа хихикнула, поводила пилочкой и, оставшись довольной своей работой, запрятала ногу под халат. Владимир гремел на кухне. Что-то там хватал, чистил, переставлял, потом бросил все, достал таблетки для полоскания горла, растворил и уже хотел направиться в ванную, как услышал:

— Володя, вы же обещали туда не заходить.

— Хрен знает что! — выругался он. — Что там за одежда висит, что на нее смотреть нельзя? Кто здесь в гостях, наконец?

Но полоскать ушел к кухонной раковине. Потом туда пришла Наташа, увидела в миске с водой пару очищенных картофелин, ни слова не говоря, взяла нож и села чистить дальше. Владимир демонстративно удалился. Пусть работает — меньше кривляться будет! Вскоре на кухне зашипела сковородка и донесся голос Наташи:

— У тебя есть чистая салфетка или простое полотенце? Надо подсушить ломтики картошки — будет фри.

Владимир дал салфетку. «Посмотрите, какая хозяйственная девочка — она не может поджарить простой картошки, ей нужен фри, у нее не бутерброды с ветчиной, а сэндвичи, она пьет кофе, я пью, позвольте, сено из придорожных лопухов! Снобистка!»

Когда Наташа появилась в зале, былого веселия на лице не было, скорее даже уныние. Прошлепав босиком к дивану, молча села, завернулась в плед.

— Сейчас масло сойдет и можно есть, я там еще твою ветчину нарезала.

— Удавиться можно! — констатировал он.

— Мне опять холодно, — пожаловалась она.

— Что тебе подозрительно постоянно холодно?

— Мне совсем не то подозрительно холодно, о чем ты подумал. У тебя очень холодный пол.

— Босая ходишь, — поднялся он, сходил в прихожую и принес ей маленькие тапочки.

Наташа презрительно посмотрела на них, потом не меняя выражения, подняла глаза на Владимира.

— Это не мои тапочки.

— Интересно, — возмутился он, — откуда здесь могут быть твои тапочки?

— Эти тапочки Татьяны, вот пусть она «это» и носит, — и отбросила их ногой.

— Вот как? А может, это тапочки матери? Она сейчас в отпуске, я говорил.

Наташа подумала и ответила:

— Я не знаю, какой отпуск у ваших родителей, но они не живут с вами очень давно. Вы живете один.

— Это почему еще?

— Потому что вы холодильник не мыли уже сто лет. Снаружи чисто, а внутри... Это только ваша мужская половина может заботиться о внешней чистоте.

Он промолчал. Его убили. Он даже забыл про горло и что вообще болен. А Наташа спросила:

— Вы под своим паласом пол моете?

Вынула осторожно ногу, подцепила угол паласа — там лежала древняя пыль и непонятный очень мелкий мусор.

— Видите? К сожалению, ваша Татьяна...

— Замолчи, пожалуйста.

Владимиру показалось, что ему наплевали в душу. В сущности, какое ее дело, что у него пыль под паласом? Она сегодня здесь, завтра — нет.

Зазвонил городской телефон, Владимир поднял трубку.

— Слушаю?

— Статья сто тридцать четыре Уголовного Кодекса, — сказал Танин голос, — карается сроком, совращение...

Владимир опустил трубку на колени. Издевательство какое-то. Что она, остановиться не может? Как прорвало. Ревность с преследованием. И ведь не докажешь ничего! Позвонить, попробовать еще раз объяснить? Хуже еще. Или лучше? Позвонить и сразу попросить, чтоб трубку не бросала? Бросит. Почему же сразу не поверила? Летом свадьба. Должна быть... А только что приходивший друг Славка, помнится, сказал когда-то: «Очень Татьяне квартира родительская понравилась с обстановкой вместе. Берегись, Володя, таких росомах по тундре ой сколько бегают!» Да-а, как они тогда разругались со Славкой!

Кто-то осторожно взял у него из рук телефонную трубку и положил на аппарат. Потом голос Наташи сказал:

— Ты похож на остекленевшего архитектора. Татьяна — твоя девушка? Вы из-за меня поссорились? Я все-е знаю. Она тебя видеть не хочет. Ни в чем не разобралась и решила, что ты бабник. На самом деле ты не такой... почти не такой. Давай я уйду, а ты ей позвонишь и скажешь, что ты меня выгнал. Из-за нее. Ей понравится.

— Нет, — сказал Владимир, глядя в одну точку, — мы не поссорились, все в порядке. Сиди и не дергайся. Дальше подъезда идти некуда, а в подъезде холодно.

— Очнись, а? — попросила она и поводила ладошкой перед его лицом. Владимир сокрушенно мотнул головой, как бы приходя в себя:

— Сейчас бы водки!

— И совсем необязательно, — очень по-взрослому и оттого очень по-женски парировала она, — можно сделать массаж затылка. Я отцу всегда делаю, когда он нервничает.

— Не тарахти, — попросил Владимир, — я думаю.

— Да вы помиритесь. Надо только подождать. Девчонки они всегда такие — вначале взорвутся, потом жалеют, оправдывают.

— Зато мальчишки не такие.

— А хочешь, я позвоню Татьяне?

Владимир очень внимательно посмотрел на Наташу.

— И что ты ей скажешь?

— Скажу, что ты честный, хороший, верный, — она запнулась, — а после ее звонка стал, как индюк надутый, ой, извини, но ты ведь и в самом деле...

— Просто я остался один... кажется.

— Если ты остался один, я должна уйти!

Она действительно встала и направилась в ванную. Владимир быстро опередил ее, встал в кухонном проходе и резко выкрикнул:

— Так! Я уже сказал — мне надоела вся эта болтовня! В своих отношениях я разберусь сам! Понятно? Быстро в зал!

Наташа кивнула, как заведенная кукла, и убежала на диван.

— Только это ничего не значит! — донеслось оттуда и сразу же, как специально, громко: — У-ух, холодина какая!

Владимир сходил в спальню, достал огромный электроплед, включил его в сеть и укрыл Наташу, за что получил улыбку и тихое спасибо. При слове «спасибо» Наташа глазами моргнула, после чего высоко вздернула ресницы и замерла на секунду, так прошив его глазами, что Владимир тоже остановился, замер, но вовремя очнулся и лишь глубоко вздохнул.

— Такое впечатление, — сказал он, — что ты так и хочешь, чтобы «это» хоть что-то, хоть чего-то значило.

— Н-ну вот ещ-ще! — едва не задохнулась она от возмущения.

Через полчаса был ужин из картофеля фри и ветчины. Потом чай.

— Не наблюдалось ли пыли на столовых предметах? — довольно подобострастно спросил Владимир.

— Пыли нет, — запросто ответила она и тут же ядовито: — Салфеток тоже. Придется идти мыть руки. Знаете, Володя, вы из тех людей, которые, когда надо, могут горы свернуть, метеорит поймать на лету... Вам надо только сказать об этом или попросить, но вся ваша беда в том, что люди, окружающие вас, никогда вам этого не скажут, им этого просто не нужно, их это не интересует. Они, наверное, много приземленнее вас... нет?

Владимир обмер. Ему на мгновение показалось, что ей и в самом деле двадцать лет. Нет, не двадцать лет — сорок ей лет с хвостиком. Однако, едва Наташа поднялась с дивана и сделала шаг, она вновь превратилась в маленькую девочку. Владимир громко приказал:

— Быстро надень тапочки!

Она испепелила тапочки глазами и, крадучись, двинулась дальше. Игра была рассчитана явно на него. Владимир это понял и растерялся.

— Что было сказано? — быстро поднялся и на самом деле разозлился.

Наташа очаровательно взвизгнула и, как будто испугавшись, упорхнула в сторону ванной, открыто улыбнувшись всем лицом. Прямое кокетство и отнюдь не детское. Чтобы скрыть свое смущение, он чуть ли не крикнул:

— Будешь умирать ночью от простуды — я за тобой ухаживать не буду!

— Ха-ха! Ухаживать за мной! Вы не дождетесь такого счастья, — донеслось в ответ, — я позвоню папе, и он вышлет за мной вездеход!

Вездеход? Владимир сел. А что если действительно вышлют за ней вездеход? Как же он сразу не догадался, что у военных есть вездеходная техника? Что же она сразу не позвонила? Владимир представил ее отца, прорывающегося в вездеходе сквозь пургу к его дому. Очень эффектно!

Наташа вернулась, прокралась незаметно к спасительному дивану и с патетикой в голосе продекламировала:

— О, тапочки! Сколько вокруг вас борьбы, накала страстей и непримиримых споров! Вы — самая уважаемая утварь в этом доме! Как жаль, что хозяин ваш не поэт! Он воспел бы вас в стихах! Ода тапочкам!

Владимир прослушал весь этот монолог с глупым видом, только хотел что-то спросить про вездеход, но Наташа поняла это по-своему, тут же запрыгнула на диван, стала в рост и, качаясь, обезоруживающе улыбалась.

— А на диване неприлично стоять даже в таких обворожительных тапочках! — радостно отрезала она. Увидела на торшерной полке книгу, опустила на колени и, открыв обложку, прочла:

— Константин Воробьев. «Вот пришел великан». Это про подвиги?

— Это про любовь.

— О! — совсем по-женски приятно удивилась она. — Вы и про любовь читаете?

— Ты говорила про вздох.

— А что такое подвиг, а? Володенька?

— Твой отец в горах совершил подвиг. Давай про вздох.

— К сожалению, здесь он подвиг не совершит, — она замолчала и опустила погрузневшие глаза, — для меня, я имею в виду. Он на служебное несоответствие не пойдет. Так что никакого вздоха мне не видать. При-инципы, Володенька! — округлила она в который раз глаза и чуть приблизилась в эту секунду к нему лицом. — Я ему попозже лучше позвоню, ладно?

— Ладно. Может, он все-таки...

— Тебе так не терпится меня куда-нибудь отправить? — слегка нервно и настороженно спросила она. — Я могу сама уйти.

— Почему ты все понимаешь в превратном смысле? Я совсем...

— Потому что я де-евушка! — заявила она игриво. — Ты еще не заметил?

— Заметил.

— А расскажи что-нибудь? Ты же тут родился? В краю Северного Сияния!

— Слушай, — взмолился Владимир, — у меня почти сорок температура...

— А ты мне видак поставь, и я отстану... на два часа. Хорошо?

Когда видеоплеер начал показывать какой-то крутой боевик, Наташа, лежа на диване и болтая от счастья ногами, повернулась к Владимиру и спросила:

— Можно последний вопрос?

— Что? Переводить американские ругательства?

— Вау! Вы и американский знаете! Нет, я не о том, — она чуть подумала. — А вы хотели когда-нибудь совершить подвиг, а? Володенька?

— Я тебе не Володенька! — громко сказал он.

Наташа уронила лицо на свои красивые руки и по залу рассыпался негромкий девчачий, очень довольный смех.

— Что ты считаешь подвигом? — устало спросил он.

— Спаси людей, животных... дом какой-нибудь... еще чего...

— Чучело, — как-то сам себе прошептал он громко.

— Сам чучело! — серьезно, с обидой в голосе сказала она и тут же игриво: — Володимир!.. Ох, как звучит — Володимир!.. Расскажи девушке про свой подвиг?

— Кино смотри.

— Какое кино! А из пурги ты меня вытащил — это подвиг?

— В лучшем случае — это поступок. Ты обещала, что я буду от тебя отдыхать.

— Ой, ой, я не смогу смотреть эту гадость, если ты не расскажешь мне про свой подвиг, ну ведь ты живешь в экстремальных условиях Арктики! Ну хоть какой еще поступок, кроме сегодняшнего? Я же вам рассказала про папу?

— Расскажу — отстанешь?

— Сто пудов!!

— Подвиг мой, — стал с трудом рассказывать он, — был не в Арктике. После армии уехал в тайгу, устроился промысловиком. Ходил по тайге, выполнял самую простую работу, даже коня имел. Карабин за плечи и вперед, я очень неплохо стреляю иметаю все железное — в армии научили. Один раз шли маршрутом, искали рысь, объявилась рысь-людоед, Не знаю, съела ли она кого, но одного человека задрала, в тех местах это редкое явление, нас и отправили ее уничтожить. Рысь — зверь хитрый, заберется на дерево и выжидает путника, причем с собакой не брал, боялся. А так прыгает сверху, зубами щелк за холку, а лапами за горло... и все, ничего не сделаешь, горло рвет в секунды. Одна надежда — капюшон, она

прыгает, капюшон слетает, эта сволоочь и падает с коня и человека. Второй раз не нападает, старается уйти сразу. Нас трое было. Я, как молодой, отвечал за воду и костер, а двое отправились в лес за лесиной, чтоб ночью жечь. Рублю дрова, и вдруг совсем рядом: «Вовка! Помоги...» и храп уже пошел. Оборачиваюсь, а в руках у меня один топор, ружье метрах в трех. И тут эта зверюга переворачивать его начала, лесника нашего, ну я в тварь эту лесную швырнул топором, тот пролетел метров пять и всю спину ей раскроил... вот и все. Лесник жив остался, вся шея в рубцах, ему вообще повезло, он перед выездом холодной браги напился, так все горло обмотал не хуже панциря, вот зверь и не достал сразу, а так бы... Такая вот история.

— А вас наградили? — тихо, с ужасом в голосе спросила Наташа.

— Это обычная работа. В другой раз он бы мне помог.

— Вы Владимир — человек с большой буквы!

Он улыбнулся.

— Знаешь, сколько таких?

— Ну и что? Вы — один из них!

— Когда я буду отдыхать?

— Молчу, молчу, молчу, — и уставилась в телевизор.

Смотрела она ровно пять минут.

— А расскажи, как ты меня в сугробе нашел?

— Вышел из поликлиники и тут же отправился к твоему сугробу.

— Тебе сердце подсказало?

— Кино смотри! Выключу!

— Ой, не надо, тут так смешно!.. Вот этому сейчас башку отрежут! Американцы такие дураки, ставят всякую муть, и кто ее смотрит? — ткнула она пальцем в экран. — А на Севере ты подвигов не совершал? — она достала его высунутой ногой и потрогала пальчиками колено. — Эй, слышишь меня?

Владимир на секунду потерялся, потом схватил ее за большой палец, она завизжала, перевернулась на бок и внимательно на него посмотрела, как обычно смотрят девушки на еще не совсем полюбившихся им юношей. Потом ногу спрятала.

— Телевизор гашу! — сказал Владимир.

— Подожди секундочку, сейчас этого гада утопят, и всё.

Владимир встал и ушел на кухню на свои процедуры, вдогонку услышал:

— А ты куда? Без тебя разве это фильм? Чуть собачья! Не буду одна смотреть!

На кухне никаких процедур он не делал, просто включил воду и тихо сидел на табуретке. «Ничего не знаю — ни кто, ни что. Как себя вести? А она чем дальше, тем больше... Глаза чаще положенного опускаются вниз, губы трогает обаятельная улыбка, движение за движением. Нет. Пора высылать вездеход. Все это вранье, что папа не вышлет вездеход. Не хватало еще мне...»

— Ну что сидишь? — в дверях стояла Наташа. — Надоела я тебе?

— Да нет. Не знаю просто...

— ...как себя вести, — быстро договорила она и тут же выложила: — Ты, Владимир, сильный, большой и благородный зверь, только очень добрый. Другой бы на твоём месте хоть что-нибудь попытался сделать. Тебе никто не говорил: ну, сделай хоть что-нибудь?

— Нет.

Наташа подошла к нему и села на колени, положила руку на затылок:

— Успокойся, — сказала она, — я просто никогда не видела таких людей.

Снаружи у тебя вроде ничего особенного, но если приглядеться...

— Скажи честно, — перебил он, — сколько тебе лет?

— Послезавтра будет восемнадцать. Но это ничего не значит. Захочу, сама все решу, не захочу... гляди какой: стрелять умею, метать все железное умею — тебе не поможет. Проверим?

— Здесь? Как проверим?

— Здесь, а если повторишь за мной... проверим еще раз. Другой трюк. Трико есть у тебя?

— Какое трико? — не понял он.

— Спортивное! — она посмотрела ему в глаза, и он увидел, что ее глаза просто смеются. — Неси!

Владимир быстро принес свое новое трико, Наташа мигом развернула его, посмотрела с одной стороны, затем с другой, сказала, как мимоходом: «Отвернись», он отвернулся, потом услышал: «Повернись», он повернулся... Наташа стояла в его трико, халат был заправлен в него.

— Смотри, — сказала она безразлично.

Она встала на руки у стены, постояла немного, как бы привыкая. Глядя снизу на Владимира, сказала легко, словно не на руках стояла:

— Дальше смотри!

Мгновенно с ладоней перепрыгнула на сжатые кулаки, постояла на кулаках секунду, тут же оторвала один от пола и осталась стоять на одной руке.

— Достаточно, — сказал он. Наташа быстро опустилась с рук обратно.

— Что это? Упражнение из дзюдо?

— Это искусство Дим Мак, — вытащила она халат из трико, его прямо под халатом с себя стащила и ему отдала. — Упражнение называется «алмазный кулак». Но главное — это здесь.

Она взяла его ладонь и притянула к выемке под горлом. Это еще не девичья грудь, но все-таки... У Владимира сузились глаза.

— У тебя должно получиться, если захочешь. Заниматься надо, — она положила свою руку ему на грудь и сказала:

— У тебя сердце хорошее, — заглянула в самые глаза, — хочешь такую жену, как я?

— Хочу, — сразу ответил он.

— Ишь, какой быстренький! — как пригвоздила она его. — А говорил не Казанова! А сам уже жениться тащит!

И убежала досматривать свой фильм. Часам к одиннадцати диск закончился. Наташа успокоилась. В квартире воцарилась тишина.

— Такой садистский фильм, — молвила она, — а ты, наверное, думаешь, я его до тебя не видела?

Владимир взял телефон и поставил на диван рядом с ней.

— Вы правы, — взрослым голосом согласилась Наташа, вздохнула боязно и сняла трубку. Утробно пророкотал цифровой диск.

— Алло, папа? Папа — это я. Нет, у меня все в порядке. Я? О, боже мой! Папа?! Где и у кого я могу быть?! Конечно, у подружки! Я не могу добраться домой. Что ты кричишь — автобусы не ходят! — она вдруг стала говорить излишне театрализованно, сладко-возмущенно:

— Здесь все перемело! Дорогу очистят только утром! Я не дурю, я сижу в квартире! Что я могу сделать?! Стихия!

Она опустила трубку на колени. На ироничный взгляд Владимира пояснила:

— Монолог нравственности.

Из наушника доносился неразборчивый мужской баритон, потом очень громко:

— ...ты слушаешь меня?

— Обязательно! — взлетела трубка. — Но я не могу передвигаться в пространстве. Что? О чем ты собираешься с ней говорить?

Она протянула Владимиру трубку, отвернулась и сказала:

— Это тебя. Хочет познакомиться с подружкой, — и тут же растерянно-кокетливо: — Бери, что ли?

— Что говорить? — спросил он у нее.

— Правду, — как само-собой разумеющееся, ответила Наташа.

С непонятым ощущением волнения Владимир взял трубку. Одно его слово — и вся ее лож разлетится вдребезги. Но говорить женским голосом он не умел, да и Наташа это бы отвергла. Но и в такой ситуации он не хотел подводить этого человека, может телефон случайно уронить? Тоже причина. Но и это бы не подошло. Компромисс с совестью не удался.

— Да, я слушаю, — несмело произнес он.

На другом конце провода лязгнули зубы.

— Я подозревал, — процедили в трубке, — я так и думал! — вновь свирепо сказал папа. — И кто вы такой, позвольте?..

Владимир растерялся. Вот объясни теперь — кто он такой!

— Я — дяденька, — едва не рассмеялся он от этого слова, а Наташа зажала рот руками, — который не дал вашей дочери превратиться в ледышку.

— Слушай, дяденька! Ты сейчас же отправишь мою дочь домой! Ясно?

— И не подумаю! — взял себя в руки Владимир, тут же ощутив рукопожатие Наташи. — Вы плохо ориентируетесь в создавшейся обстановке, а я здесь вырос. Север — опасная штука. Глупостей не прощает.

Там глубоко, надрывно вздохнули.

— Лучше б ты вырос в Антарктиде! Позови Наташу.

— Диалог не состоялся, — отдал он трубку.

— Папа, прекрати на меня кричать. Куда мне идти? Ничего со мной не случится.

Кто он, кто он? Я его первый раз вижу, ну и что? Сам с мамой как познакомился, а? А я целый час сидела в снегу! Что я там делала? Заблудилась. А он меня выгасил. Я вся промокла. Да нет же, я не сижу в мокрой одежде... что с мамой, пусть не волнуется. Я переделалась. Я в халате, под одеялом и с грелкой во весь рост! — здесь она приподняла электроплед рядом с собой. — А?.. Папа?

Она отстранила трубку и негромко сказала Владимиру:

— Кажется, папа телефон уронил или сам упал. Алло! Что вы с мамой возмущаетесь? Сам меня учил говорить правду. Подружка? — она усмехнулась в потолок. — А это, чтоб вы не волновались. Да, в халате. Одеяло вот. И грелка на мне, во весь рост... какая, какая, электроплед! Не нервируй меня своей несообразительностью. Говори, сколько хочешь! Опять тебя, — позвала она Владимира.

— Слушай, парень, — хрипло прорычали в ухо, — давай поговорим по-мужски, без истерик. Если ты здесь вырос, посоветуй, что можно сделать?

— У вас есть вездеход?

— Это отпадает. У меня есть городской транспорт.

— Увы. У вас нет городского транспорта. Его сейчас ни у кого нет.

— Что делать? — вновь сорвался папа.

— Вы бессильны. Форс-мажор.

— Ты хочешь сказать, что Наташа будет всю ночь находиться в твоей квартире?

— Соседи точно не возьмут.

— Где ты живешь?

Владимир сказал адрес.

— Я сейчас приду, — решил папа.

— Попробуйте. Но я вам не советую. Да и подойдете вы, в лучшем случае, к рассвету.

Там помолчали, обдумывая.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— Ты живешь один?

— Как перст.

— Сколько у тебя комнат?

— Две. В ее комнате есть замок. Она в безопасности.

— За это я спокоен. У нее хорошая подготовка. В обиду она себя не даст.

— Меня предупредили.

— Есть много других факторов. Мы оба взрослые люди и понимаем...

— Довольно пошло.

— Меня сейчас не интересует нравственная сторона нашего разговора. Как тебя звать?

— Владимир.

— Я бы хотел тебя предупредить, Владимир, ей еще нет восемнадцати. Она несовершеннолетняя.

Владимир вздохнул, а папа продолжил:

— Хоть она и воображает себя взрослой, восемнадцать ей исполнится только послезавтра. Сейчас перед тобой ребенок.

Владимиру стало просто гадко. Он погрозил Наташе кулаком. Она широко открыла возмущенные глаза.

— ...мать лежит чуть не в обмороке, — продолжил папа, — как тебе?

— Ваша дочь чудесно устроена. Будем надеяться, что к утру пурга ослабнет, очистят вашу дорогу на Предшахтный. Волноваться вам нечего. К завтраку она будет дома.

— Дай мне честное слово!

— Берите!

Там вроде как подобрили.

— А что за халат какой-то, грелка? — чуть ли не миролюбиво спросил папа.

— Да обычный халат, арендован на время вашей дочерью, — терпеливо объяснял он, — грелка — электроплед, такая длинная теплая тряпочка в клеточку. Вещи ее сушатся в ванной. Она же, пока в сугробе сидела, промокла насквозь. На ванную мне наложили табу. И вообще, благодаря своему гостеприимству, я получил в своей квартире массу запретов и упреков.

— От Натальи?

— То в холодильнике не вымыто, то пыль под паласом нашла.

— Ябеда, — презрительно сказала Наташа.

— То я ей салфетку после ужина не подал!

— А ужин я готовила! — запальчиво крикнула она.

— А я на больничном, тридцать девять и пять, я не могу заниматься сейчас уборкой своей квартиры.

— Девчонка несчастная, — возмутился папа, — ты ее в туалете запри и без света оставь.

— В туалете без света? — выразительно повторил Владимир.

— Предатель, — сказали невидимому папе.

— Я в безвыходном положении, мне только и остается положиться на тебя, парень.

— Возобновится движение — к завтраку она будет дома.

— Я не буду спать.

— Я вас понимаю.

— Ну да ладно. Доброй ночи, — и перед самым отбоем донеслось: — Пожелал хрен знает что!

Владимир опустил трубку на аппарат, посмотрел на Наташу строгими глазами.

— Марш спать!

— А про любовь давайте посмотрим что-нибудь?

— Марш спать! Не слышала? Про любовь! Через три дня про любовь! Не будешь слушаться — запрю в туалете без света!

Она поднялась с кресла и, обиженная, ушла в спальню. Только за ней прикрылась дверь, как оттуда донесся истошный крик:

— Вы обманули!

Владимира подбросило в кресле.

— Вы обманули папу! — в проеме показалось ее лицо. — Здесь нет замка, здесь чистая дверь.

Владимир тупо посмотрел в пол, боясь, что сейчас свихнется или запустит в нее домашней туфлей. Совладав с собой, он перевел дыхание и спокойно сказал:

— Да. Там нет замка. Там никогда и не было замка. Но это ничего не значит! Спи!

Дверь закрылась, оттуда раздался мягкий скрип пола, по кровати шлепнули рукой и послышался веселый голос Наташи:

— Ой! Кровать какая классная!

Раздалось короткое — бух! И все стихло.

Оставшись один, Владимир наконец-то переоделся в домашнее трико. Господин Великий случай сыграл с ним сегодня оригинальную шутку, познакомив с этим созданием. Владимир настолько привык к спокойной, уравновешенной жизни, что произошедшее больше напоминало кошмарный сон.

Начиналось, конечно, все очень романтично — и пурга, и чудо это несовершеннолетнее, и даже взрыв ревности Татьяны... Романтика, правда очень быстро приобрела обыденную, житейскую, пошлую окраску. Что же в итоге? А в итоге он опять один. Почему же ничего не жалко? Ведь совершенно ничего не жалко! Она пришла и ушла, а он снова один. И потом... холодильник, пыль под паласом. Наташе хватило нескольких минут, чтобы это увидеть, а Таня? Как же так? Она такая чистюля. Сумбур какой-то, не разберешь. Что получается? Он подобрал на улице погибающего человека (это хорошо), лучший друг тут же обозвал ее «телкой», любимая девушка — молоденькой шлюхой, соседка — малолеткой (с явным уклоном), а ему лично пожелали вырасти в Антарктиде. И кто? Ее родной папа! (Благодарить должен вообще-то.) Мама сразу в обморок завалилась. Сам маленький-немалыш определил состояние его квартиры как антисанитарное, назвал вкусный тонизирующий напиток чай пойлом из сушеных лопухов и преспокойно удалился спать. Вот уж действительно — инициатива наказуема, а нормальный человеческий поступок рассматривается окружающим, как безнравственный.

Владимир закутался в плед. Пожалуй, сегодня лучше не пытаться разобраться в создавшемся положении. Надо завтра обязательно доставить девчонку домой, а уж потом все обстоятельно взвесить и оценить ситуацию.

Владимир не заметил, как уснул.

Проснулся Владимир глубоко за полночь. Проснулся от непонятного шума. Першило в горле, пекло глаза и совсем не хотелось двигаться. По квартире пронесся хриплый стон. Он прошел в спальную комнату, в слабом свете из зала увидел Наташу. Она лежала на спине, волосы разметались по подушке, одна рука стягивала борта халата. Владимир тронул ее за плечо. Наташа вздрогнула, посмотрела на него и тихо сказала:

— Больно в горле.

Он принес термометр, сунул ей под мышку — кисть его мгновенно переломилась в запястье, и Владимир рухнул на колени.

— Градусник сломаешь, спортсменка!

— Извини, я подумала...

— Ты поменьше об этом думай!

Термометр показал — тридцать девять. Замечательно. Теперь и ода тапочкам не поможет. Он принес ей лекарство и стакан воды. Наташа помотала головой и слабо, едва слышно произнесла:

— Я не буду пить таблетки.

— Ты больна, тебе нужно.

— Я не буду пить таблетки, — упрямо, сухими губами повторила она, — у тебя есть уксус?

— Зачем тебе уксус?

— Я уже говорила, — сказала она голосом наставника, — протирание уксусом снижает температуру.

К счастью, у него был уксус. Владимир соорудил из бинта что-то наподобие тампона и принес в спальню. Она взяла слабыми руками и приподнялась.

— Ты отвернись, — попросила Наташа.

За спиной он слышал, как на другом краю кровати отбросили одеяло, потом ее руки шелестели, развязывая пояс халата, на тампон забулькал уксус.

— Холодный, — чуть не плача пожаловалась она, тут же добавила капризно и ворчливо: — Вот так всегда! Вечно ты мне подsunешь что-нибудь противное.

Владимир сидел спиной и слушал едва уловимый шорох тампона о тело, и снова звук льющейся жидкости, и снова шорох тампона. Неожиданно что-то упало на коврик, Владимир обернулся. Наташа тут же откинулась на подушку, как можно быстрее подтянула одеяло к лицу. Владимир поднял уксус.

— Давай хоть руки протру, — предложил он.

Наташа перевернулась, уткнувшись лицом в подушку.

— Спину тоже надо, — едва слышно донеслось оттуда.

Владимир протер ей руки, после стянул до пояса одеяло — ладони ее сжали подушку. Какие-то пару секунд он зачарованно смотрел на эту красивую, ровную спину, тут же услышал: — Ты меня рассматриваешь или лечишь?

Смочил тампон, протер спину и быстро укрыл. Про себя облегченно вздохнул. Где эта граница между НЕ и СОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ?

— Горло будешь полоскать?

Наташа повернулась и отрицательно помотала головой.

— Молоко будешь пить горячее?

— Молоко буду.

Он вскипятил молоко (о, слава тебе, ультрапастеризация! Можно хранить молоко полгода!), бросил туда крошку соды. Наташа лежала, непослушными, слабыми руками завязывала пояс халата.

— Осторожно, не обожгись, — протянул он чашку.

Она сказала: «Сейчас» и осталась лежать. Подождав, Владимир присел рядом, поднял ее за плечи, поднес молоко к губам. Наташа глянула на него притихшим взором, взяла через силу чашку, молча отпила глоток.

— Гадость какая, — прошептала она, — что у тебя за характер такой? То холодное, то горячее, и все противное. Ужас, а не человек!

Держа чашку по-ребячьи двумя руками, Наташа склонялась раз от раза к своему лекарству, морщила нос после каждого глотка и поглядывала украдкой на Владимира. Владимир ничего не видел. Он боялся только, что рука его устанет и он не удержит это гибкое и упругое тело. Чашка наконец опустела, Владимир убрал ее на столик.

— Легче?

Она заглянула ему с чисто женским кокетством прямо в глаза, сказала:

— Легче, — помолчала секундочку и добавила: — Оттого, что гадость эта закончилась.

И уткнулась лицом ему в плечо. Владимир оторопел. Легкий аромат духов исходил из склоненной головы, Владимир мужественно, но с наслаждением боролся с ним. Пытка была очень изощренная.

— Вот здесь, — полушепотом сказала она, едва коснувшись пальцем его груди, — находится центральная грудная точка. Удар в это место парализует легкие. Временный шок. Человек без дыхания — тряпка. Удар сюда, — провела мизинцем по шее, — перекрывает кровопоток в мозг, отключает сознание... а эта ямочка под горлом в Древней Руси называлась «душа». Ударив сюда, можно убить одним пальцем. У человека очень слабая конструкция.

У Владимира пробежал холодок по спине.

— Папа мечтал иметь сына, — тяжело вздохнула Наташа, а маме врачи запретили иметь второго ребенка. Разве я виновата, что родилась девчонкой? Я платья надеваю по праздникам. Раньше хоть в школу... Отец запретил мне плакать, не любил, когда мама гладила меня по голове. С восьми лет обучал дзюдо и искусству Дим Мак. Сейчас мы с ним проходим курс ближнего боя, для общего развития, а приласкал он меня один раз... знаешь, за что? За то, что технично перебросила его на тренировке, он не поддавался.

Наташа всхлипнула.

— А еще я умею стрелять из любого оружия, ездить верхом на коне и ловить руками змей. Папа сказал, что научит меня на Севере есть сырое мясо. Он говорит — вы здесь все едите сырое мясо. Правда?

Она внимательно посмотрела на него.

— Да, строганину. Но не все. Некоторым не нравится.

— А это что?

— Мороженая оленина или северная рыба.

— Вы самоеды? — она прислонилась к его плечу и тихо поведала: — А меня три года назад чуть в тюрьму не посадили.

— За что?

— Меня мальчик один провожал, все про звезды рассказывал, а сам оказался трус. К нам трое пристали, его раз ударили, он и убежал. А один меня рукой за кофту. Я тут вспомнила, чему папа учил — он пролетел немного и воткнулся головой в клумбу. Сотрясение мозга, шея что-то... не хочу вспоминать.

Владимир представил себе этих подонков и хотел рассмеяться.

— А ты бы убежал? — спросила она и замерла.

— Нет, к сожалению, — сознался он.

— Почему, к сожалению?

— Так изувечили бы, наверное?

— Ты молодец, — сказала Наташа и, похуже, улыбнулась, — с тобой болеть легче, у тебя биотоки положительные.

Она поднялась, села поудобнее, да так, что привалила его спиной к стене, поджала под себя ноги и устроилась на его плече более-менее уютно, предупредила шепотом:

— Только ты не делай ничего, ладно?

— Ладно, — также тихо ответил он, — это ведь ничего не значит.

— Конечно. А про себя расскажи.

— Про меня нечего рассказывать. Змей руками не ловил, на коне не скакал.

— А северное сияние видел?

— Было как-то.

— Оно как на открытках?

— Нет. Большею частью зеленое.

— Просто зеленое?

— Да. По небу ползает, там пропадет, здесь появится. Играет.

— А белые медведи есть?

— Медведей нет, волки есть.

— Большие?

— Как бегемоты, бегут — город трясется.

— Вот бы поймать.

— Зачем?

— Мяса-то сколько!

Владимир улыбнулся.

— У нас в горах тоже волки были. Так папа меня в горы отпускал на коне, а в город после того — ни за что!

— Представляю, что сейчас с ними творится.

— А-а, — устало вздохнула Наташа, — родители всегда перегибают. Носятся за тобой, носятся, а надо будет — я сама все решу...

— Ты знаешь, — тихо сказал Владимир, — спи давай уже.

— Я не могу спать, у меня бредовое состояние.

— Оно и видно.

— Поплакать хочется, а я и плакать не умею, и заболела в первый раз. И болеть не умею, — она тихонько захныкала. Однако хныкать она тоже не умела и уже через мгновение спала у него на плече. Владимир осторожно опустил ее на подушку, укрыл и, враз ощутив, что тоже болен, ушел в зал. Пить свои таблетки и прочее. До утра практически ему уснуть так и не удалось. Бред есть бред. Мокрый кашель, горло, температура да всхлипы Наташи через дверь.

К утру стало немного легче. Это всегда так — после отдыха. В семь часов Владимир прослушал метеосводку: в первой половине дня ветер десять — пятнадцать метров в секунду, во второй — ожидается усиление ветра, снегопад. Он разбудил Наташу. Быстро перекусив, они вышли из дома.

Все дворы представляли собой один большой сугроб с вереницами людских следов. Добравшись кое-как до остановки, они спрятались под ее широким навесом, где уже жались к стенкам несколько человек.

За все утро Наташа не обронила ни одного слова. Молча ели, молча одевались. Только поинтересовалась, как там погода. На что Владимир любопытствовал, высох ли ее комбинезон? На остановке стояли тихие, погас огонь в веселых глазах Наташи. Иногда она порывалась что-то спросить, но каждый раз просто стряхивала с капюшона своего пуховика снег. А Владимир даже и не пытался ничего спрашивать — прекрасное романтическое время закончилось, закончилось не в их пользу. Так каждый стоял и думал о своем... Впрочем, вспоминали они вчерашнее.

Через полчаса из снега выплыл автобус. Пассажиров в нем было совсем немного.

— Ты поедешь со мной? — вроде удивилась в салоне Наташа.

— Я обещал твоему отцу.

— Мы живем напротив остановки.

— Тем лучше, уеду этим же рейсом.

Наташа спрятала улыбку и предложила сесть впереди.

Автобус шел медленно. Снег мельтешил перед стеклами, волнами обдавал лобовое стекло. Это в городской черте. Через пять минут они выйдут на транспортное «кольцо». Там тундра.

Когда машина миновала последний дом городской окраины, вокруг был один снег. Безбрежный, взбудораженный снег. Молоко. Водитель сбавил ход до минимума. Машина пошла медленно, крадучись. Порывы ветра стихали неожиданно, и тогда перед ними открывался простор метров до двадцати перед автобусом. И, как назло, впереди ни одной машины. В пургу очень удобно «уцепиться» за габаритные огоньки впереди идущего транспорта. В кювет так и то он первый угодит, а ты успеешь затормозить. Этот волчий закон вполне уместен для автобуса — в нем люди.

Ветер рванул крепче, снег плотной массой навалился на окна. Дорога, выскобленная за ночь коммунальщиками, была практически чистая, похоже, место здесь на трассе было продувное, снег не цеплялся за дорогу, но видимости не было никакой. Тундра. Автобус продвигался на ощупь. Метр. Еще метр... движение улавливалось только по рокоту мотора. Порыв внезапно спал, проглянулась чернота шоссе — вперед... Снежная волна — стоп! Опять на ощупь. Метр, еще метр... Бампер уперся в снежный барьер — повезло, так и на обочину стащит. Чуток назад, на полколеса, руль влево, осторожно вперед... метр, еще метр... Далеко ли уедем?

Автобус остановился. Радио в салоне изрекло металлическим мужским голосом «Гражданской обороны»:

— В связи с внезапным усилением ветра движение автомобильной техники по «кольцу» закрыто, слушайте сообщения «Гражданской обороны» об отправке автобусов через час.

Водитель в сердцах плюнул, достал сигарету и закурил. Потом выглянул в салон.

— Храбрецы есть? Герои пурги? — он окинул глазами мужчин. Мужчины молчали.

— Вести надо. Так до вечера не доберемся. До поворота кто поведет?

Легко предложить вести автобус, попробуй, выйди в пургу. Владимир тоже молчал. Молчал, но знал, что первый не выдержит. Ему сейчас только и осталось — автобусы водить.

— А как это вести? — спросила Наташа. Владимир дернул щекой — увидишь. Машина стояла. В салоне молчали, за окном крутила пурга. Водитель не спеша выкуривал сигарету, глядя тусклыми глазами, как снег налипает на стекло. Кто-то сказал:

— Подождем, утихнет скоро. Обещали умеренный ветер.

В это никто не поверил, даже тот, кто сказал. Пурга в оттепель — не на один день. Быстрее заметет, чем утихнет. Владимир поднялся, подошел к водителю и, решившись, четко, негромко сказал:

— Открывай.

Тот поднял глаза, сразу все понял.

— Ты что-то очень бледный, парень, посиди.

— До вечера? Открывай, я домой спешу!

Щелкнул тумблер, дверь съезжилась гармошками, и в салон ворвался вихрь снега. Владимир шагнул в самое штормовое нутро. Шофер оглянул салон:

— Эх, вы, пацанье молочное!

Только через некоторое время Наташа поняла, что Владимир будет идти пешком до самого поселка. Идти, указывая дорогу автобусу. «А все эти здоровые, мордастые мужики будут сидеть в тепле, разговаривать, улыбаться, смеяться и ехать... ехать в салоне, а он будет идти по пурге. Там холодно, жутко холодно, а у него температура, у него горло болит».

Ветер был самый отвратительный — боковой. Снег шел крупный, хлопьями. Обычная мартовская метель, обычный мартовский снег, мартовский ветер. А все вместе называлось одним жестким словом — пурга.

Темная лента дороги терялась в этой бушующей массе. Снежинки искрились в свете автобусных фар. Владимир застегнулся до самого верха, даже капюшон набросил — ничего не помогало. Обмануть пургу невозможно. Снег неведомо как залетал под шарф, задирали капюшон, щипал лицо холодными кристаллами, налипал на ресницах, прижигал щеки, леденил брови до разламывающей боли в голове — обмануть пургу невозможно.

Владимир шел. Каждый шаг давался с трудом, каждый шаг — заранее продуманное движение. За ним шел автобус. Осторожно, доверчиво многотонная машина плыла в снежной кутерьме, повторяя все остановки человека. Проскочили на «скорости» пару свежих барханов, уткнулись прямо в ограничительную фишку с красной тряпочкой (обозначение границ дороги), повезло опять: как «сядет» такая машина в снегу на мост, так и жди потом первой «техпомощи».

Снег, этот хитрый, коварный снег очень часто ровнял кюветы с дорогой, и можно было запросто съехать в открытую тундру. Снег свежий, рыхлый.

Как ни вертись в пути, левый бок продуло в минуту. Владимир поворачивался и шел спиной вперед. Мерзла голова под капюшоном, руки, спрятанные в карманах, приходилось часто вынимать, чтобы сигнализировать машине, мерзла рука, он прятал ее на груди, другую держал в кармане, постоянно сжимая и разжимая кисть. От снега дубела кожа на лице, он вынимал руку, смахивал снег, растирал щеки и глаза — коченела рука, он прятал руку на груди... Обмануть пургу невозможно.

Вскоре им встретилась полузаметенная «Волга» в кювете. Быстро зацепили ее тросом, и автобус легко выдернул машину из снега. Отцепляя трос, Владимир заметил: за автобусом стоит еще одна машина, а там еще огоньки пробиваются, и еще...

— Хороший караван собрали? — крикнул ему водитель. — Может, передохнешь?

— Времени нет, идем!

Через полчаса они встретили такой же караван в обратном направлении. Мужик, что вел встречный состав автомобилей, попросил закурить, Владимир отправил его к водителю.

— Как там у меня, дальше? — спросил встречный.

— Перемело в двух местах, с ходу проскочите.

— А у тебя, — он глянул маршрут, — о! Да у тебя через пару минут «зеркало», от Предшахтного только-только шнекоротор ушел с грейдером.

Разошлись и повели машины дальше. За «встречным» Владимир насчитал шестнадцать машин. Остались снег и ветер. За ним — автобус. В автобусе — Наташа.

А Наташа сидела на своем месте и уже два часа смотрела в спину Владимиру. Он то пропадал за снежным вихрем, то появлялся вновь, иногда он оборачивался, и тогда она могла различить запорошенное снегом лицо. На глаза ее наворачивались слезы, но слезы не могли помочь Владимиру. «Утром Володя говорил, что пурга ослабла, что здесь творилось вчера? Хоть бы зашел в салон, погрелся».

Вскоре они вышли на поворот, отсюда начиналась «вилка» на Предшахтный. Вместо дороги здесь был самый что ни на есть настоящий снежный тоннель. Снег по бокам дороги возвышался на полтора-два метра. Тут и ветер едва задувал. Владимир прыгнул в машину, и автобус покатило по тоннелю. Владимира трясло. Ну да ничего. Главное, как и обещал ее отцу, он привез Наташу домой.

В поселке, возле подъезда, Наташа обернулась к нему и едва слышно спросила:

— А как ты обратно?

— Так же.

Ветер бил ей в лицо, мириады снежинок летели между ними, скрывая последний взгляд, последнюю снежную надежду, улетавшую столь же быстро, как снег

и ветер. Наташа смотрела на Владимира, тот ждал, когда она уйдет. Он так устал, что боялся уснуть стоя. Тем более Владимир еще на дороге понял неотвратимость расставания и прощания.

Был в жизни удар, удар, за который он отдал бы, как говорится, все, но это был только удар... Судьба показала — жизнь может быть другой... жизнь может быть твоей. И все. Но завтра наступит новый день, точнее старый... Тот же одноклассник с вечным «припасом» по выходным, та же Татьяна... Нет, вот уж тут он подумает! Тот же проект, институт, квартира... холодная, чужая, немытая годами... как номера. Не будет ничего. Все исчезнет. Самое губительное — исчезнет это милое юное лицо, что еще ночь назад приводило его в такое неистовство. И город... Глянешь за окно, а там что-то серое, темное, с углами и движется... С ума схожу? А может, все это сон? Так легче.

— Знаешь, я так много поняла за это время, — сказала она задумчиво, совсем как-то не к месту, — столько многого... знаешь, все они подонки... в автобусе... шакалы... жались к своим сиденьям, как щенки в логове, — она смотрела в сторону, где вихрем кружился снег в поземке. — Мой отец никогда бы не позволил себе остаться в машине. А они, действительно, пацанье молочное!

— Что ты говоришь? — устало сказал он. — Может, они такие же приезжие?

— Приезжие?! — взвилась она. — Да у них глаза черные от угля. Слабаки! А мне говорили: шахтеры, шахтеры...

— Шахтеры тоже разные бывают. Не болтай, когда не знаешь.

Наташа внезапно, совсем не к месту заревела. Стояла и ревела, нисколько не стесняясь прохожих.

Владимир очень аккуратно взял ее рукой за плечо и притянул к себе. Он не знал, что надо говорить в таких случаях.

— Не надо плакать, — тихо сказал он, — я смог, тот не смог... из этого все складывается. Когда-нибудь я не смогу, а кто-то сможет. Успокойся. Вот уже со второго этажа какая-то тетя смотрит. Потом папе расскажет.

Наташа на миг обернулась на окно, где смотрела «тетя» и сказала:

— Это моя мама. Слушай, ты что шатаешься? Ты же с ног валишься! Пойдем к нам, хоть отдохнешь. Уедешь следующим рейсом.

— Следующего может не быть.

— Как не быть?

— Так. Радио не слышала в салоне? Объявили режим «чс», и теперь начнут пускать автобусы караванами со снегоуборочными машинами вместе, с милицией и прочее... Да и вообще?.. Что ты говоришь?.. И о чем? — он ее вдруг передразнил: — К нам пойдешь, отдохнешь!..

И ушел в белоснежную мглу. Туда, где должен был вроде как находиться их автобус, которого из-за снежной кутерьмы видно не было.

На повороте Владимир вновь вышел из салона и повел автобус обратно, сейчас его просто некому было вести. В салоне сидело несколько женщин да ребенок. На этот раз ему повезло, в пурге образовался прорыв и дорога сверкнула во всю свою длину, до самого города. Владимир прыгнул внутрь, и машина понеслась на предельной скорости.

— Как звать? — громко спросил его водитель, немного улыбнувшись.

— Владимир.

Водитель внезапно похвалил:

— Солидно!

Дома Владимир в изнеможении опустился на диван. Внутри было так пусто, словно все выдуло ветром. Пусто было и снаружи. На спинке дивана сиротливо лежал электроплед, внизу стояли тапочки. Он прошел в комнату — на стуле висел

аккуратно свернутый халат, на столике стояла чашка из-под молока. Владимир разделся и забрался под одеяло. От подушки шел аромат духов. Сопrotивляться памяти сил не было. Он перевернул подушку и провалился в черноту.

Он проспал почти сутки. Как проснулся, так вспомнил Наташу. Вспомнил и даже глаза закрыл от нахлынувшей безысходности. Одиночество. Одиночество стояло рядом. Он ощущал его как свет или темноту, как холод или тепло. Оно находится здесь, рядом, совсем рядом: может, на стуле сидит, а может, у окна стоит. Оно ждет, когда он проснется, и никуда от него не скроешься, ни за что не спрячешься. Оно как тень проследует за тобой повсюду. От него можно на время отвлечься. Но уйти — никогда! Уйти можно только вдвоем! Но рядом никого.

Чтобы хоть как-то себя занять, он выскоблил всю квартиру, особенно холодильник и то безобразие под паласом. Вечером ходил по вычищенной квартире, искал какой-то выход, рассуждал сам с собой. Не помогло ничего. Тело ломило, голова гудела... А в том месте, где находится душа, невыносимо ныло и болело. Умные люди жили в Древней Руси...

